

Переводы и комментарии

**ТИПОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ
С МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ¹**

Станислав Андрески

Проблема определения

Видимо, нигде не встречается столь много ошибок поспешного суждения, как в сфере трудов о революциях. И самыми отъявленными грешниками здесь были марксисты. Они рассматривали все события в сточки зрения в свете собственной презумпции предопределенности, согласно которой революции именовались в соответствии с последующими событиями. Например, Английскую и Французскую революции марксисты называют буржуазными, поскольку они в конечном счете привели к росту значения буржуазии, обогащающейся за счет торговли и промышленности. Исходная посылка в данном случае состоит в том, что указанная последовательность процессов полагается предопределенной, а исход предрешенным, хотя нетрудно представить и другие вполне вероятные сценарии развития событий. Например, Европа могла бы попасть под господство военно-бюрократического класса, а не буржуазии, если бы Наполеон не потерпел поражения.

Менее серьезная ошибка состоит в определении явления по его причине (причинам). К примеру, революцию определяют как «проявление массового недовольства». Отсюда следует, что без массового недовольства не может быть революции, а кроме революции не может быть никаких других проявлений массового недовольства.

Первое предположение сомнительно, хотя оно может быть и верно по определению, в то время как второе – явная ложь, если не менять общепринятого значения слова *недовольство*. Определения, которые относятся к причине данного состояния, широко распространены в медицине ввиду их обоснованности, поскольку в этой области они базируются на знании регулярных последовательностей событий или условий, подтвержденных миллионами наблюдений. Разумеется, политические макроявления не повторяются с аналогичной закономерностью, а их число ничтожно мало по сравнению со случаями человеческих заболеваний. Следовательно, в отношении революций у нас нет знания, которое позволило бы нам предсказать результат в зависимости от той или иной причины. Ввиду недостаточного понимания революций надо продолжить исследования данного явления, не предрешая вопрос о причинно-следственной связи. Под морфологической точкой зрения я подразумеваю методологический принцип, согласно которому определения и классификации должны строиться та-

¹ См.: Stanislaw A. 1992. Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint. – London: Frank Cass. – Pp. 16–35.

ким образом, чтобы как можно меньше рассуждать об антецедентах или последствиях любого рассматриваемого явления.

В этимологии слова *революция* невозможно обнаружить руководства к его использованию, кроме того, что оно должно применяться к процессу, имеющему определенную аналогию с передачей и переворотом. Впрочем, здесь необходимо сделать уточнение, поскольку невозможно исследовать достоверность предположений, в которых используются крайне расплывчатые термины. Если бы исторические и социологические исследования были ближе к идеалу науки, люди не использовали бы одно и то же слово для обозначения всплеск беспорядков, раздоров, коллективного безумия и совокупных результатов мирных изобретений типа Промышленной революции. К сожалению, языковая инерция и переменчивые пристрастия, в дополнение к преднамеренному искажению слов в целях пропаганды, затрудняют определение его строгого использования, способствующего углублению понимания, для достижения которого мы должны стремиться к предельной максимальной ясности.

Существует множество событий, которые одни называют революциями, а другие категорически это отрицают. Однако лишь немногие, если таковые вообще найдутся, отвергнут этот «ярлык» для обозначения серии событий, известных как Французская и Русская революции. Никто не станет отрицать, что революция состоялась и в Китае, хотя оспаривается вопрос о ее начале: в 1911 г., 1945 г. или в начале 1930-х гг., и что было на последнем этапе – революция или война между двумя государствами, с учетом того, что одному из них помогали партизаны. Итак, для ясности я буду считать Французскую и Русскую революции близкими к типу совершенной революции. Слово *совершенная* используется здесь в этически нейтральном смысле, подобно тому, как оно используется или должно использоваться в экономике, в таких выражениях, как *совершенная конкуренция* или *совершенная трудовая мобильность*. Обе указанные революции обладали следующими четырьмя характеристиками, которые я принимаю в качестве определения этого понятия: свержение правительства изнутри государства его подданными; замена старой правящей элиты новой, возникшей внутри государства; массовые акции, сопряженные с насилием или угрозой его применения; трансформация социальной системы.

Ни одна из революций не соответствует этим критериям на все сто процентов. Это особенно верно для четвертого пункта, так как действительно полная трансформация социальной системы невозможна – всегда остается что-то от старого. Влияние массовых акций также спорно ввиду их степени. Но поскольку указанные революции подошли к этому (спорному с этической точки зрения) «совершенству», я предлагаю обозначить их «полными революциями» и использовать этот ярлык по отношению к любой другой революции, отражающей эти характеристики в более или менее равной мере. Трудности морфологии вытекают из различия в степени приближения каждого из упомянутых критериев событий или процессов к идеалу, называемому *революцией*. Даже столь очевидное событие, как свержение правительства, может быть подвергнуто сомнению или реализовано лишь частично. Морфология этих процессов обречена на сложность, поскольку степени в отношении одного критерия не совпадают с различиями в отношении других. Поэтому аристотелевская классификация (которая работает достаточно хорошо в биологической систематике) совершенно неадекватна. Если предположить (для упрощения), что каждый из наших критериев является прерывистой переменной с пятью совокупными подразделами – ноль, низкий, средний, высокий, очень высокий или полный – мы получим 3125 вариантов перестановок. Возможно, некоторые элементы окажутся пустыми в смысле отсутствия реальных случаев, им соответствующих. Но даже при этом число эмпирически иллюстрируемых классов будет столь велико, что оно затруднило бы понимание необходимости называть каждый из них, за исключением нескольких часто встречающихся или особенно важных.

Более того, у нас есть слова *полу-*, *квази-* и *псевдо-*, которые можно использовать, хотя у них есть недостаток в виде обвинительного заключения, а также термины, которые можно извлекать из собственных имен случаев, служащих примером класса. В целом единственно возможной морфологической процедурой является использование четырехкратной характеристики, указывающей место, куда вписывается данный случай для каждого из измерений, которые мы взяли в качестве определяющих критериев. Задача систематического охвата должна быть оставлена для другого случая – здесь я только рассмотрю диапазон вариантов и попытаюсь показать ошибочность предположения о простой связи между вариантами в различных измерениях.

Свержение правительства изнутри

Полезность данного критерия подтверждается многими случаями, в которых нет оснований сомневаться. Проблемы начинаются тогда, когда трудно понять, является ли правительство сформированным или где находятся границы его формирования, или когда неясно, имеет ли место свержение власти или ее передача, или когда свержение произошло при содействии извне. В отношении Английской революции нет никаких сомнений: Карл I и его министры были свергнуты собственными подданными – людьми, которые прежде привыкли им подчиняться. Революция не была ни спровоцированной, ни инспирированной извне. Столь же ясно падение Людовика XVI, но здесь иностранцы действительно пытались восстановить его власть. Падение царя Николая II менее очевидно с точки зрения его эндогенного характера, потому что оно не могло произойти без поражения русской армии, нанесенного ей немцами. Однако даже это событие следует рассматривать как антецедент, а не часть революционного процесса. Даже отправка в Россию и субсидирование Ленина и Троцкого не сводятся к участию в революции, потому что власть царя к тому времени уже рухнула. Кроме того, фон Людендорф не видел в Ленине и Троцком угрозы и вообще не предполагал, что они могут стать правителями России. Таким образом, Русскую революцию можно рассматривать как вполне внутренний процесс, особенно потому, что более поздние (хотя нерешительные) попытки иностранцев уничтожить ее, были гораздо больше того, что сделал фон Людендорф для Ленина и его соратников. Чтобы найти примеры сомнительного содержания, нужно обратиться к ряду других событий.

Ибн Халдун рассматривает историю как вечный цикл завоеваний и распадов государств. Воинственное племя кочевников живет в условиях, требующих мужества, выносливости, силы и непоколебимой верности племени и его лидерам. Поэтому оно покоряет оседлое население и становится его правящим классом. Под влиянием роскоши и праздности эта аристократия постепенно теряет свои боевые достоинства, сплоченность и нравственность и тем самым становится легкой добычей другого племени пустыни, которое завоевывает государство и становится его правителем... и цикл распада начинается заново. Если победитель приходит издалека, то это явно не свержение власти изнутри. Но иногда восставшие вассалы становились новыми правителями. Как правило, в феодальных и других государствах с неопределенными границами или слабо установленным правительством часто трудно решить, имеем ли мы дело с конфликтом между независимыми политическими структурами или с тем, что надо назвать восстанием.

Не менее трудно классифицировать случаи, когда правитель не свергнут, но его власть насильственно ограничена, особенно когда это относится ко всему его окружению, включая класс, к которому принадлежит властитель. Даже изъятие английскими баронами Великой хартии вольностей у короля Иоанна явно не означало свержения (за исключением некоторых положений), хотя и подразумевало отказ от послушания. Аналогичные события в Польше привели к фактической отмене монархии и созданию дворянской республики, в которой был

пожизненно избранный президент с титулом короля, но без власти. Ни один из шагов, которые привели к этому результату, не был революцией, но каждый из них ее приближал.

Одним из наиболее не поддающихся строгому различению режимов был режим, установленный в Японии в период Хэйан с VIII по XII вв. н. э. У императоров было мало власти, их часто заставляли отречься от престола и уйти в монастырь. Иногда свергнутый император восстанавливал свою власть, но не изгонял преемника и не выходил из монашеского сословия, поэтому порой существовало два императорских двора. Эта ситуация напоминает аналогичную ситуацию времен Великого раскола, когда в Европе было два папы. Однако большая часть реальной власти в Японии принадлежала вождю сильнейшего клана воинов, чья позиция постепенно становилась узаконенной и в конечном итоге легитимизировалась как сёгунат. В отличие от явной монополизации власти в более поздние времена (когда положение сёгунов Тогукава не очень отличалось от положения Людовика XIV) в течение рассматриваемого периода кланы воинов постоянно сражались друг с другом – превосходство переходило от одного к другому из трех сильнейших: Тайра, Фудзивара и Минамото. Проигравшие изгонялись из столицы, но им разрешалось сохранить свои автономии и владения в провинциях, они становились вассалами победившего вождя. Происходила циркуляция элит посредством насилия. Но называть ли эти события *революциями* или *захватническими войнами*? – этот вопрос остается спорным. Возможно, слово *квази* здесь уместно, но оно может быть более полезно и для иного случая.

Хотя указанные ситуации встречались чаще в древние времена, их можно обнаружить и в недавнем прошлом. Например, была ли победа китайских коммунистов завоеванием (результатом войны между государствами) или революцией? Поскольку коммунисты не признавали Чан Кайши своим правителем и у них было собственное государство (более крупное, чем любое европейское, за исключением СССР), им не требовалось проводить восстание. Даже в районе, который находился под властью Гоминьдана, его контроль над некоторыми регионами был на грани исчезновения, поскольку некоторые военачальники были практически независимы. С другой стороны, местные повстанцы и партизаны помогали продвижению армии Мао. Таким образом, произошла комбинация межгосударственной войны с революционной деятельностью. Однако, если взять 1911 г. в качестве отправной, а 1949 г. в качестве конечной точки, то случай Китая можно вполне вписать в «дворцовую революцию», поскольку имперское правительство было свергнуто собственными подданными. До Мао никто не сменил императора и мандаринов полностью.

В государствах с установленными границами и правительствами размывание различия между свержением власти изнутри и завоеванием извне может произойти вследствие зарубежной помощи революционерам. Здесь опять-таки можно выделить целый ряд ситуаций в зависимости от степени иностранной помощи. С одной стороны, есть примеры Норвегии 1940 г. и Венгрии 1945 г. Хотя Кислинг провозгласил о стремлении захватить власть в Норвегии, у него не было шансов это осуществить из-за отсутствия сторонников. Его шансы на захват власти были гораздо меньшими по сравнению со всеми фашистскими и полуфашистскими партиями в Европе. Поэтому немецкие войска назначили его на пост главы государства, и он продолжал от них зависеть. Венгерские коммунисты были гораздо более многочисленными и активными, чем последователи Квислинга. У них были хорошие возможности для стимулирования резких разногласий между классами и «вытеснения» Венгрии в вассальную зависимость от проигравшего неудачника. Однако их деятельность не имела большого значения, а власть они получили от советских войск.

По сути дела, случай с Польшей в 1944–1945 гг. был схожим с венгерским случаем. За исключением того, что в Польше почти некого было свергать. В качестве союзника Гитлера (независимо от степени нежелания) Венгрия к моменту прихода советских войск все еще

обладала властью над собственными административными и социальными структурами, включая крупные имения, банки и особняки. Поэтому у коммунистов было множество объектов для экспроприации и уравнивания. В Польше экспроприация и выравнивание были почти завершены нацистами, поэтому поляки представляли собой почти однородную массу нищих. Возможно, относительная покладистость польских коммунистов вытекает из отсутствия стимулов для ненависти бедных к богатым. Тем более что довоенные обиды были значительно сглажены травмой общего крепостничества при нацистах.

В отличие от Венгрии и Польши, в Чехословакии коммунистический режим был установлен тогда, когда в стране не было советских войск. По аналогии с чернорубашечниками Муссолини чешские коммунисты смогли захватить власть, когда ее не было, поскольку правительство, армия и полиция не желали выступить против партии, которую поддерживало общество. Однако без приказа Сталина переворот не смог бы состояться. В момент его проведения внешнего вмешательства не было, но оно было решающим фактором поддержки.

Наоборот, свержение власти в Испанской республике было осуществлено Франко. Но оно оставалось (в основном) внутренним делом, несмотря на помощь со стороны Гитлера и Муссолини. Смог бы Франко победить без такой помощи при прочих равных условиях? – весьма сомнительно. Впрочем, эта помощь уравновешивалась помощью республиканцам от зарубежных доброжелателей, особенно от Сталина. Несмотря на малочисленность, Международная Бригада воевала намного лучше, чем Легион Муссолини. Более того, Франко не превратился в марионетку Гитлера, хотя его жестокость внутри страны была больше, чем у Муссолини. Благодаря уклончивости Франко смог избежать вступления в войну на стороне Гитлера.

Победа Тито была сложнее. Он получил важную и даже решающую помощь (в оружии, одежде и питании) не от своего наставника Сталина, а от Черчилля, которого считал врагом. Боевые действия в стране вели югославы, но они не смогли бы победить, если бы преобладающая часть немецкой и итальянской армий не были побеждены в других местах. Хорватией управлял эпитом Гитлера Анте Павелич, который создал хорватскую националистическую армию усташей (Ustasha), прославившуюся свирепостью. Она была побеждена в открытых боях, хотя у Тито, как и у Мао, были свои партизаны за вражеским фронтом. Тито победил также четников во главе с генералом королевской армии Драгой Михайловичем, но они были партизанами (подобно приверженцам Тито) и не смогли установить постоянный контроль. После победы члены бывшего господствующего класса были лишены собственности, убиты, сосланы или, по крайней мере, социально понижены. По замыслу Тито, новая система должна была стать копией советской, хотя впоследствии она значительно отошла от модели. То, что произошло в Югославии, образует синтез взаимозависимости с внутренней революцией.

Революция Кастро на Кубе была явно внутренним делом. В качестве бойца на счету у Кастро гораздо больше очков, чем у любого другого лидера современных революций. Однако с точки зрения количества пролитой крови его кампания была мелкой. У Кастро было немного сторонников – менее 2000 человек до победы и около 7000 в день победы, поэтому потери были незначительны. Тогда как 30-тысячная армия Батисты была настолько коррумпирована, что солдаты вообще не воевали, зато были вполне готовы пытаться заключенных. Ликвидация старого привилегированного класса и трансформация общества были столь же тщательными, как в России, Китае, Югославии. Это указывает на отсутствие необходимой связи между его масштабами и жестокостью борьбы.

Гитлер дает пример такого захвата власти, за которым следует весьма существенная трансформация социальной системы и значительный круговорот элит. Этот процесс находится на грани между мирной и законной передачей и насильственным захватом руля прав-

ления. На последних свободных и честных выборах Гитлер получил треть голосов, что было вдвое больше числа голосов, набранных двумя следующими за ним крупнейшими партиями, вместе взятыми. Президент Гиндербург не был обязан назначать его премьер-министром (Рейхсканцлером), но его убедил в этом Папен – глава партии, представлявшей интересы землевладельцев из района Восточной Эльбы. Папен ошибочно предполагал, что сможет манипулировать Гитлером. Однако проведению честных выборов правительства предшествовали запугивания и насилие со стороны штурмовых отрядов Гитлера. Кроме того, он выступал с завуалированными угрозами о том, что возьмет власть силой, если не получит ее на законных основаниях. Таким образом, хотя назначение Гитлера было правильным с формальной точки зрения, в нем присутствовал также элемент незаконности. Едва он вступил в должность, запугивание усилилось, начались произвольные аресты. Зачищенный и запуганный парламент превратился в пустую формальность. Спустя непродолжительное время Германия стала совсем иной страной. Была ли это революция? По крайней мере, масштаб трансформации общества (хотя совсем другого характера) был аналогичен результатам Французской и Английской революций. Господствующий класс старого режима был сохранен на своих местах, за исключением еврейских, марксистских и радикально-либеральных элементов. Захват власти включал массовые акции в форме демонстраций и уличных боев, однако они были намного лучше организованы, чем массовые акции во время Французской революции. Если принять во внимание способ получения власти, то это можно назвать половинчатой революцией, если не революцией. Однако с учетом степени последующей трансформации, его можно назвать революцией.

По сравнению с Гитлером (и Сталиным) Муссолини был вполне покладистым, почти гуманитарным либералом, но его способ захвата власти все же включал очевидный элемент незаконности – вооруженные отряды фактически начали наступать на Рим. Поскольку партия Муссолини набрала лишь 7% голосов на выборах, у него не было оснований претендовать на пост премьер-министра в соответствии с действующей конституцией. Однако фашистам никогда не приходилось сражаться, потому что король Виктор Эммануил II приказал армии оставаться в казармах. Правда, парламентское правительство было свергнуто незаконными действиями, но оно было простым проявлением силы без кровопролития и при попустительстве главы государства, который утвердил Муссолини в должности. По сравнению с Германией в Италии изменилось многое, хотя намного менее быстро и радикально. Новая элита присоединилась к власти и привилегиям, но старая элита оставалась более-менее нетронутой и пострадала гораздо меньше, чем в Германии. Поэтому с учетом конечного результата приход Муссолини к власти с большим основанием можно назвать половинчатой революцией, но процесс ее достижения больше соответствует концепции революции.

Циркуляция элит

Свержение правительства влечет за собой смещение как минимум одного человека, хотя такое случается крайне редко. Показательным примером дворцового переворота, где это имело место, является убийство царя Павла при соучастии его жены Екатерины, которую позже называли «Великой». Павел был способен раздражать, будучи надоедливым идиотом, но не властвовать. По этой причине у него не было сторонников, а устранение почти не вызвало смещений на вершине власти. Как правило, в большинстве дворцовых переворотов ближайших советников и товарищей изгоняют или убивают. Обычно одна клика заменяет другую. То же происходит в переворотах президентского дворца, множество примеров которых можно найти в истории Латинской Америки. Другой крайностью является ликвидация не только высшего, но и среднего класса, как это случилось в Русской революции. Не менее

радикальным было уничтожение высшего и среднего класса старого режима в Занзибаре, Руанде и Камбодже.

Занзибар был колонизирован арабскими купцами, которые покупали рабов на восточном побережье Африки и продавали их на Ближнем Востоке. Они также создавали плантации, на которых трудились рабы, и экспортировали специи. После того, как Занзибар попал под британское правление, рабство было отменено. Но потомки рабов оставались в подчинении, тогда как управление, торговля и образование были в руках арабов. После установления независимости Занзибара они занялись также политикой. Поэтому восстание 1964 г. было не только расовым, но и пролетарским. Большое число арабов было убито, многие бежали, большинство потеряли свое имущество и работу, все лишились привилегий. Бывший корабельный повар Каруме стал диктатором и управлял террором, пока не убили его самого. Не имея возможности организовать управление без своих бывших «господ», новые правители присоединились к Танганьике, и эта амальгама стала Танзанией.

Социальное расслоение Руанды тоже базировалось на расовых различиях, хотя и в пределах африканской расы. Царство возникло примерно в XVIII в., после завоевания земледельцев банту и хуту высокими кушитами-скотоводами Хима. Они стали аристократией, монополизирующей власть, которой подданные оказывали почести и платили дань. Во время бельгийского правления некоторые подданные воспользовались возможностью получить образование, которое было доступно для обоих классов. После этого вспыхнули конфликты между двумя классами. Хима потерпели поражение, были лишены привилегий, многие были убиты или изгнаны.

В Камбодже коммунисты одержали победу в результате поражения США во Вьетнаме. Вьетнамские войска состояли в основном из крестьян во главе с сельскими учителями. Деревни были вполне самодостаточны и почти ничего не получали от городов. Тогда как города эксплуатировали деревни посредством ростовщичества, налогов и ренты. Если учесть паразитическое отношение городов к голодным крестьянам, то ненависть последних не должна удивлять. Крестьянская месть приняла форму ничем не ограниченного истребления горожан. Это кровопролитие настолько ослабило государство, что вьетнамская армия смогла победить Камбоджу без особых усилий.

В период Французской революции физическое устранение высшего класса было намного меньше, за исключением высшей аристократии и придворных. Купцов, банкиров и промышленников почти не трогали, хотя многие из них лишились богатств во время неразберихи.

Еще меньше элиты пострадало во времена Английской революции. Большие поместья не были разрушены, общей атаки на владения аристократии, которая потеряла политическую власть до Реставрации, тоже не было. Ввиду важности религиозных различий выравнивание по классовым принадлежностям было незначительным. Кромвель уважал право собственности, в отличие от группировок в гражданских войнах в Древнем Риме, которые безжалостно грабили друг друга.

Если революция вызывает такую циркуляцию элит, которая достигает основания социальной пирамиды, ее можно сравнить с землетрясением. Поэтому я предлагаю называть такую революцию «сейсмической», а термин «сейсмичность» использовать для степени, в которой опрокидывается социальная пирамида. Большевицкая революция находится на вершине шкалы сейсмичности, Славная революция 1688 г. в Британии близка к нулю. Революция 1830 г. во Франции располагается немного выше, Английская революция еще выше, Французская и Мексиканская революции примерно посередине. Разумеется, это чисто импрессионистские суждения (смею надеяться, не безосновательные). Для получения числовых показателей нужны массовые исследования, хотя бы весьма приблизительного содержания.

Больше проблем связано с неравномерным влиянием вертикальной циркуляции на различные слои общества. Такая циркуляция может произойти и без революции. Обычно изменения в коммерческой и промышленной структурах влекут за собой значительные преобразования в экономической элите, но не обязательно сильно влияют на состав политической и религиозной элит.

В период длительного исторического процесса, получившего название *Промышленной революции в Британии*, многие промышленники и купцы обогатились, а некоторые потерпели крах. Однако политическая власть оставалась в руках мелкопоместного дворянства, довольно стабильного по своей структуре. Но это была не революция в определенном здесь смысле, которая влечет за собой захват власти. По определению невозможно обнаружить революцию, которая не предполагает смену политической элиты. Зато есть немало случаев, когда весь переворот ограничивался политическим сектором, – например, в Английской революции это были политический и церковный секторы. Есть примеры, когда переворот почти ограничивался последними во время смены религии, таких как обращение в христианство или Реформация, но они не были революциями в подразумеваемом смысле, потому что обычно правители сами их «поощряли». В Римской империи христианство распространялось как преследуемое и во многих отношениях подрывное вероисповедание, но никакого общего восстания христиан никогда не имело места. Христианство стало официальной религией по приказу императора Константина. Обращение тевтонцев, скандинавов, славян и венгров в христианство было достигнуто полностью сверху вниз: вначале князья обращались в христианство по собственным убеждениям или ради политической выгоды, а затем навязывали народу новое вероучение, нередко посредством жестоких наказаний. В том числе путем массового убийства языческих священников, которых заменяли иностранные миссионеры и их местные ученики. Наоборот, английская Реформация была проведена без особого переворота в церковной элите, потому что епископы выполняли указание Генриха VIII.

Возможно, восстание в Нидерландах является лучшей иллюстрацией такого проведения революции, которое привело к циркуляции элит, почти полностью ограниченной церковным сектором. Несколько помощников испанского наместника был единственными нецерковными служителями, которых устранили с высших постов, были несколько помощников испанского наместника. Католическое духовенство потеряло все свое имущество, привилегии и власть. Его заменили кальвинистские пасторы, никогда не достигшими таких же богатств. Однако восстание в Нидерландах не привело к свержению испанского правительства. Поэтому его надо классифицировать как национальное и религиозное восстание, а не революция.

Немало найдется примеров свержения правительства, которое сопровождается циркуляцией элит только внутри политического сектора. К революции 1830 г. во Франции здесь можно добавить революцию 1848 г., положившей конец королевству Бурбонов. То же самое можно сказать о различных этапах борьбы между антиклерикальными либералами (в основном масонами) и ультра-традиционалистами (карлистами) в Испании. У этих партий были свои сторонники или лидеры в армии, наиболее выдающимися из которых были генерал Эспартето с либеральной стороны и генерал Нарваес с традиционалистской стороны. Власть переходила от одних к другим в результате ряда военных переворотов, иногда сопровождающихся беспорядками и восстаниями мирных жителей. Поскольку система трофеев работала даже на низших ступенях чиновничества, любое колебание вызывало большой переворот среди чиновников, офицеров и должностных лиц, не затрагивая землевладельцев, бизнесменов и арендаторов, которые не были глубоко вовлечены в политику.

Нечто подобное имело место и в тех военных мятежах (*cuartelazos*) в Латинской Америке, которые представляли собой не просто изгнание президента и его соратников. Напри-

мер, когда генералы свергли Джао Гуларта в Бразилии и Альенде в Чили, гражданские политики были уволены, изгнаны или заключены в тюрьму, а офицерский корпус, чиновники и университеты подверглись чистке. Само собой разумеется, помещики, капиталисты и бизнесмены остались не тронутыми.

Циркуляция элит может быть ограничена политическим сектором только в том случае, если политическая власть ограничена и отделена от экономической и религиозной, что позволяет уважать права собственности и обогащаться другими способами, кроме политики. Но это является особенностью западной цивилизации и встречается крайне редко в полностью развитой форме за ее пределами. В других цивилизациях найти аналогию сложно. К примеру, начиная с XII в. до экономического упадка исламского Ближнего Востока в торговле и банковском деле было нетрудно достичь больших успехов. Когда одна династическая и военная элита насильственно вытесняла другую, эти приобретения не подвергались конфискации. Однако со временем налоговый пресс стал настолько серьезным и беспринципным, что сохранить богатство можно было лишь в том случае, если ты был фаворитом султана или эмира. Значит, не может быть экономической элиты, независимой от политической элиты. Ибн Халдун принимает это как должное.

В Римской империи даже во времена рыночной экономики связь между богатством и политической властью тоже была очень тесной. В обоих случаях это объяснялось хищническим характером римского капитализма и практикой конфискации имущества у побежденных врагов и нейтральных лиц. Со времени гражданских войн между Мариусом и Суллой до Августа началось столетие внутреннего мира. А затем, начиная со второго столетия, смена верховной власти стала быстрой и неизбежной в результате насилия. Поэтому неудивительно, что превратности римской истории предоставили для Парето лучшие примеры циркуляции элит.

Массовые действия

Помимо участия большого числа людей, образующих существенное меньшинство населения, «массовые действия» предполагают отсутствие предшествующей организации. В противном случае этот термин будет бесполезен, поскольку его можно будет применять и к крупным промышленным предприятиям и войнам, которые ведутся регулярными войсками. Здесь надо обратить внимание на слово «*предшествующий*», потому что никакие коллективные действия невозможны без какой-либо элементарной и стихийной организации. Несомненно, что в этом смысле в революции Хомейни в Иране массовые акции были важным элементом. Несколько важных поворотов Французской революции были обусловлены массовым насилием, иногда совершенно спонтанным, а иногда спровоцированным. В Русской революции не было столь определенного массового начала, как штурм Бастилии; позже она приняла характер войны между армиями, но решающим добольшевистским этапом были стихийные массовые действия – беспорядки среди мирных жителей и мятежи среди солдат, свергнувшие старую иерархию и создавшие разрушительную демократию, неспособность которой поддержать порядок позволила небольшой группе большевиков захватить власть.

Несмотря на большое количество таких восстаний, совсем немного случаев свержения правительства неорганизованными толпами. Именно по причине неорганизованности и неподготовленности такие восстания могут быть успешными только тогда, когда машина репрессий ослаблена особыми обстоятельствами. Например, последний шах в Иране дрогнул и сдался. Он был слишком вестернизирован, чтобы на него не влияли либеральные идеи; он был болен и послушал благонамеренного, но слабого президента Картера. Людовик XVI потворствовал придворным, но пренебрегал солдатами: не сумевшие его защитить швейцарские полки не получали жалованье в течение нескольких месяцев. Николай II продолжил ка-

гастрофическую войну вопреки совету оклеветанного Распутина. Кайзер Вильгельм II также потерял свой трон в результате военного поражения. У Карла I не было регулярной армии. Он пытался ее создать, но его попытки в корне противоречили желаниям парламента. Когда великое крестьянское восстание в конце IX в. н. э. положило конец династии Тан, она уже была ослаблена длительным периодом военных восстаний и войн между губернаторами провинций, начавшимся крупным восстанием Ань Лу Шаня столетием раньше.

Массовые акции могут осуществляться по отдельности и совместно как средним, так и низшим классом. Однако, весь класс в целом редко участвует в революционном действии. Как правило, существует этническая, религиозная и профессиональная предвзятость, а также самоотбор по темпераменту и возрасту. Великие Французская, Мексиканская, Китайская и Русская революции были делом образованного класса, а также городской и сельской бедноты. Английская революция была скорее делом чисто среднего класса из-за крайне низкого коэффициента участия крестьян. Ввиду важности религиозного фактора уравнивание классовых разногласий здесь было намного меньше, чем во Французской революции, более четко направленной против аристократии и ее придатков.

В истории Европы и Америки невозможно найти пример революции, проведенной только одним низшим классом. Единственное победоносное восстание было восстанием украинских крепостных и казаков против польских магнатов в XVII в., но его руководителю Хмельницкому удалось избежать поражения, признав повелителем Московского царя. Только в Китае бывали успешные крестьянские восстания, и только там можно найти монархов, происходивших из крестьян, таких как Као-цзы, основатель династии Хань, Чу, основатель Пяти династий, и Чу, основатель династии Мин². В более поздней Римской империи и в мусульманских государствах тоже можно найти подобные сюжеты, но все успехи там достигнуты с помощью армии. Только в Китае победа достигнута лидерами открытого наступления низшего класса на правительство. Самый крайний контраст – индуизм, цивилизация без революций. Особенность Китая могла быть связана с невоенным характером правящего класса мандаринов и неэффективностью конфуцианства в качестве «опиума для народа». В этом отношении индуизм был и остается наиболее эффективным, в то время как христианство и ислам занимают промежуточные позиции.

Революции, которые начинаются на дне социальных пирамид, можно назвать «вулканическими», а слово «тектонические» может быть полезным, если в них участвуют многие классы. Но нельзя забывать о том, что абсолютно строгие различия найти сложно. Обычно мужчины, совершающие насильственные действия против бедных, происходят из той же среды. И наоборот, представителей среднего и даже высшего класса можно обнаружить в чисто пролетарских или крестьянских восстаниях. Великую Крестьянскую революцию, разразившуюся в Китае в 874 г., возглавили крестьянин Ван Сянь-чи и Хуан Чао, не сдавший вступительный экзамен на государственную службу. Дворянин Гёц фон Берлихинген принимал участие в Великой крестьянской войне в Германии на стороне повстанцев. Роль интеллектуалов среднего класса в европейских революциях хорошо известна.

Восстания внутри вооруженных сил имеют гораздо больше шансов на успех. Действительно, военных захватов власти столь много, что, насколько известно, их еще никто не считал. Одни из них были дворцовыми переворотами, в которых принимали участие преторианские гвардейцы, другие – восстаниями провинциальных гарнизонов, заканчивающимися маршем на столицу и крупномасштабными сражениями против верных войск. В некоторых

² Единственный пример в европейской истории, когда лидер крестьянского восстания стал монархом, относится к XIX в. – первый князь современной Сербии, Милош Обренович. Однако он возглавил восстание сепаратистов против османского владычества и не сменил султана в Стамбуле.

случаях ни одна фракция не могла долго оставаться в роли победителя; одна из гражданских войн, которая началась таким образом в Римской империи, длилась 33 года (235–268 гг. н. э.). Напротив, когда начальник охраны преторианцев убил императора Калигулу 24 января 41 г. н. э. в коридоре его дворца, никаких боевых действий не последовало. Преторианцы провозгласили императором Клавдия, запуганный Сенат утвердил этот выбор, и он начал свое правление.

В мусульманских монархиях после омейядских халифов опорой армии были рабы. Можно найти множество случаев, когда на престол взошли те, кого купили на рынке в качестве рабов: Сабуктигин, король Газни, или Кутб ад-дин Айбак, первый король Дели. Когда последний умер в 1210 г. в результате несчастного случая, преемником стал его раб, который одновременно был его зятем. Самой необычной установкой было правление мамлюков в Египте. Все началось с уникального подвига в мусульманской истории: правления женщины Шаджар ад-Дурр. Она была армянской рабыней и служанкой халифа аль-Мустасима, затем ее поместили в гарем аюбидского султана Египта аль-Салиха. Он освободил ее, когда она родила ему сына. После его смерти в 1249 г. она начала выполнять функции правителя и выпустила монеты со своим именем. Когда эмиры выбрали ей помощником командующего армией, солдата-раба по имени Айбак, она вышла за него замуж. Он стал первым мамлюкским султаном («мамлюк» означает «раб»). Когда спустя семь лет Шаджар узнала, что Айбак хочет жениться на другой, она организовала его убийство. После этого ее сразу убили.

Мамлюки были в основном турецкими и монгольскими рабами, которых султаны династии Аюбидов привозили в качестве солдат. Они продолжали пополнять свои ряды рабами, даже во времена правления Египтом. Когда на них начал влиять наследственный принцип (несмотря на повторяющиеся узурпации и убийства), они начали покупать черкесских рабов для ведения военных действий. Это в свою очередь узурпировало силы. Трон принадлежал тому, кто мог его захватить или побудить эмиров его избрать. Часто рабы становились султанами. Несмотря на это, они были единственной армией, способной дать отпор монголам. Ни одна другая элита в мире не была настолько закрыта по наследственному принципу.

До сих пор спорно, можно ли называть революцией захват власти, не проявляющий никаких черт, перечисленных в начале, несмотря на твердо установленное выражение «дворцовая революция».

Трансформация социального порядка

Это – наиболее важный аспект революций, и его сложнее всего разделить на типы, не говоря уже о количественной оценке.

Революции, которые приводят к трансформации социального порядка, часто называют *великими* или *социальными*, но эти слова не весьма подходящие. Термин *социальный* не имеет смысла, потому что любой социальный процесс должен быть *социальным*, тогда как термин *великий* не позволяет различить степени трансформации, беспорядков и кровопролития. Чтобы внести ясность, предлагаю ввести термины «*преобразующий*» и «*повторяющийся*» ради проведения различия между: завершенными революциями; и незавершенными революциями, поскольку они устанавливают такой социальный порядок, который недостаточно отличается от прежнего для того, чтобы называться *новым*.

Не существует простой связи между продолжительностью и ожесточенностью боевых действий, степенью разрушения, числом жертв и степенью трансформации. Китайские крестьянские революции были повторяющимися, поскольку они закончились восстановлением империи по традиционным параметрам, хотя по тяжести боевых действий, числу жертв, степени разрушения и сейсмичности они, безусловно, превзошли Английскую и Французскую

революции. Напротив, Кубинская революция Кастро была крайне незначительной по указанным критериям, но она привела к установлению нового общественного порядка. Захват власти Муссолини был бескровным – почти буквальным переходом – но он привел к значительным изменениям в социальном порядке. Возможно, не столь великим, каких достиг Кастро на Кубе, но таких же масштабов, как Английская и Мексиканская революции. Революции III в. в древнем Риме были повторяющимися, каждая по отдельности. Разумеется, они были совершенно неидеологическими и возникали в итоге ссор среди солдат по поводу того, кому что достанется. И все же их кумулятивный эффект привел к большей трансформации, чем та, что произошла в Китае до Мао: крах рыночной экономики, ликвидация последних пережитков республиканских институтов, замена рабства крепостничеством и установление примитивного тоталитаризма.

Часто происходящие изменения могут показаться не настолько поразительными и действительно не иметь большого значения сами по себе. И все же они могут быть причиной или условием гораздо более глубокой трансформации в поздний период. Например, Английская революция, на первый взгляд, во времена Реставрации не принесла никаких фундаментальных изменений в английском обществе. Но она пресекла все попытки развития абсолютизма и тем самым подготовила почву для необычайного всплеска изобретательности и предприимчивости, известного под именем Промышленной революции.

Заключительные разъяснения

Не следует использовать термин *революция* для описания восстаний, которые стремятся (и приводят) к независимости, а не к разрушению правительства. Такие движения всегда сопровождаются некоторым изменением внутренней структуры – как минимум, должен быть создан новый механизм управления. Например, в случае возникновения независимого Алжира был ликвидирован большой правящий класс, глубоко укоренившийся в обществе. Эти феномены можно рассматривать как гибриды, включающие элементы революции. В других случаях внутренние изменения незначительны. Даже создание новой политической системы может привести к появлению новой структуры и персонала только на вершине власти, тогда как нижние ступени административного аппарата продолжают функционировать во многом таким же образом и с таким же персоналом. Это произошло в 1918 году, когда Чехословакия и Польша стали независимыми странами. В этом отношении на самом деле были значительные различия между регионами. На чешской земле текучесть административного персонала была меньше, чем в Словакии, где на государственной службе было много венгров. По аналогичной причине в Польше текучесть была наибольшей в бывших немецких провинциях и наименьшей в бывших австрийских провинциях.

Никто не называет восстановление Польши и Чехословакии после Первой мировой войны революцией, хотя в случае с Польшей там произошло значительное количество боевых действий. Однако создание Соединенных Штатов называется Американской революцией. Конечно, это было событие огромной важности не только из-за того, что оно предвещало в дальнейшем, но и из-за того, что оно представляло собой во время осуществления: первая великая республика и первый пример сознательно и рационально построенной политической системы. Тем не менее его историческое значение не меняет того факта, что независимость мало повлияла на образ жизни и социальные отношения населения. Как заметил современный прусский наблюдатель Фридрих Генц, война за независимость была консервативным восстанием в защиту традиционной автономии, которую британский парламент пытался сократить в коммерческих интересах Великобритании. По этой причине мы должны трактовать выражение *Американская революция* по образцу оборота *Промышленная революция* – как

собственное имя, в котором слово *революция* используется метафорически. По крайней мере в научном дискурсе не нужны заглавные буквы, надо называть это событие *восстанием* или использовать другое его современное название – *война за независимость*. Эти смысловые оттенки могут показаться бессмысленными, но они могут дезориентировать даже серьезных ученых. Например, анализ Крэйна Бринтона в «*Анатомии революции*» серьезно ослаблен его стремление поместить Французскую и Русскую революции в одну группу с Американской и поиском надуманных аналогий между ними.

Пожалуй, революция Кемаль-паши является самым ярким примером сочетания крайне ограниченной циркуляции элит с далеко идущими социальными изменениями. Если прибегнуть к ранее предложенным терминам, эта если не *сейсмическая*, то *трансформирующая* революция. В изгнание отправились только султан и его окружение. Лидером революции стал генерал, командующий важной частью Османской армии – единственной частью, которая осталась способной сражаться. В России революцию сделало возможным поражение в войне. В отличие от России Османская империя теряла территории с тех пор, как ее армии в 1683 г. потерпели поражение у ворот Вены.

Султаны (прежде всего Селим III и Махмуд II) желали иметь армию, способную использовать европейские методы и оружие. Они начали содействовать своим офицерам в получении европейского образования. Со временем знакомство с Европой привело многих из них к выводу: деспотизм султана – главное препятствие на пути модернизации, необходимой для выживания государства. Они начали создавать тайные общества, посвященные превращению империи в конституционную монархию. Эти общества стали известны как *младотурки*. После нескольких переворотов они провели успешное военное восстание в 1911 г., свергли деспотичного Абдула Хамида II и поставили на престол Мехмеда Решада как ограниченного конституционного монарха. Задача создания современного государства из многоэтнической империи была невозможна для выполнения. Но в любом случае у правящего комитета младотурок не хватило времени для реформ, потому что его лидер Энвер-паша ввязал Турцию в войну на стороне Германии, в которой империя была уничтожена. Мирный договор Севрского полуострова оставил султану около половины территории нынешней республики. Кроме того, греческая армия захватила западные прибрежные районы. Кемаль-паша организовал сопротивление и через четыре года войны одержал ограниченную победу, которая установила нынешние границы.

Провозглашение республики стало радикальным изменением, потому что султан был также халифом – заместителем Пророка на земле, в то время как регион был основой лояльности и социальных различий. Официально проведенная секуляризация лишала государство его идентичности до тех пор, пока не укоренились национальные чувства. Пока юные турки не начали его использовать, слово *турок* обозначало не национальность, а пастухов анатолийских холмов. Кемаль постановил заменить арабский алфавит латинским, использовать фамилии, ввести швейцарский гражданский правовой кодекс, метрические меры и европейскую одежду. Вместе с развитием промышленности, торговли и банковского дела (до тех пор остававшимися за христианами и евреями), создание школ и университетов в европейском стиле и устранение правовых препятствий для женщин – все эти изменения изменили общество и культуру не меньше, чем Великая французская революция. Несмотря на то, что модернизация (или вестернизация) на практике остается весьма частичной даже сегодня, турецкое национальное государство возникло уже до смерти Кемалья.

Столь глубокая трансформация стали возможна без огромной смены кадров на вершине власти потому, что значительная часть высокопоставленных чиновников и офицеров (большинство из наиболее образованных и самых умных) хотела еще раньше вестернизировать страну, но не смогла этого сделать из-за султана, придворных и улемов. Устранение этих факто-

ров позволило образованной элите действовать в соответствии со своими предпочтениями. В Турции не было никаких претензий к переменам со стороны масс, которые повиновались из обычного уважения к вождям. В некоторой степени это была *революция сверху* (если использовать этот сомнительный термин), но не полная, потому что вершина власти была смещена незаконно.

Терминологическое примечание

В замечательном трактате «Великие революции: сравнительный анализ» Ярослав Крейчи называет *морфологией* изучение этапов, через которые, по его словам, всегда проходят великие революции. Содержание этой главы он назвал бы *таксономией*. Я не решаюсь следовать его способу использования терминов из-за опасности упустить из виду то, что социальные процессы не могут быть классифицированы на непересекающиеся виды, расположенные на генеалогическом древе. Я использую термин *морфология*, чтобы провести различие между исследованием форм (то есть характерных черт, которые демонстрируют рассматриваемые явления) и поиском закономерностей, причин и следствий, которые можно назвать *динамикой*. Смешивая метафоры из физики и медицины, можно пойти вслед за Крейчи и назвать *этиологию* изучением причин возникновения революций.

У меня есть более серьезные сомнения в отношении того, как Крейчи расширяет значения термина *революция* с целью охвата очень большого промежутка времени и широкого спектра изменений. Так, в состав Французской революции он включает все изменения, которые произошли во Франции между 1770 и 1885 гг., в то время как Русская революция (по его мнению) продолжалась от Петра Великого до Брежнева. Такие цепочки изменений я бы предпочел назвать *великой трансформацией* и трактовать создание нового эффективного правительства как конец революции. Согласно этому более общепринятому использованию, Французская революция началась либо с созыва генеральных штатов (Etats Generaux), либо со штурма Бастилии и закончилась диктатурой Наполеона, а Русская революция началась с неподчинения приказам царя Николая II и закончилась, когда Ленин выиграл гражданскую войну и стал фактическим правителем.

Перевод с английского А.Г. Акопян, научная редакция В.П. Макаренко